

Мариами Мегрелская Повесть о армянской мусульманке

18+

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марика Моловская

Повесть о армянской мусульманке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63182673

SelfPub; 2024

Аннотация

Нарминэ с ранних лет была приучена к Библии, как любая армянка христианской Апостольской церкви, но она не понимала её и задавала вопросы, ответов на которые ей никто не мог дать. В один день она приняла ислам. Почему это произошло? Почему люди принимают ислам? И почему мусульмане становятся христианами?

«Повесть о Армянской Мусульманке» – это история из жизни, которая не оставит равнодушным и докажет, что нет плохой религии. Есть плохие люди.

Содержит нецензурную брань.

Марика Моловская

Повесть о армянской мусульманке

Есть только одна религия – религия любви. Есть только один язык – язык сердца. Есть только одна раса – раса человечества. Есть только один Бог – и Он вездесущ.

Сатья Саи Баба

религиозный лидер

Как в тёмные времена люди лучше всего ведомы религией, так и в кромешной тьме лучший проводник – слепой... Когда же наступает рассвет, просто глупо следовать за слепым.

Генрих Гейне

немецкий поэт и писатель

1. Детство

Армяне. Одно слово, а такой глубокий смысл для самой национальности. Как так вышло, что пол Еревана являются твоими родственниками, но при этом, когда нужна была помощь, от тебя отказались все? И это лишь из-за религиозного вопроса. Давайте начну свою историю с самого начала, чтобы вам было более понятно..

Двадцать с лишним лет назад у моих родителей появилась я. Не буду говорить фамилии и имена родителей, это уже не

имеет никакого значения. Во время родов моя мама умерла. «Роды были тяжёлыми, хрупкое тело женщины не выдержало, организм был слаб, и появилось заражение инфекции, не смогли остановить кровотечение, поэтому она умерла», – такое пояснение дали врачи роддома. И, конечно, никто не стал узнавать подробнее: не завели уголовное дело, не отправили его в прокуратуру, а всё по одной причине – родственники. Время бежало, немало воды ушло с тех пор. Папа тяжело переносил потерю мамы, он безумно её любил. Я росла, знала её лишь по фотографии – они были в рамках и лежали на самых видных местах. Он каждое утро приносил цветы и ставил их на стол перед её фотографией, которая была покрыта белой скатертью. Ещё в детстве я решила для себя, что когда вырасту, хочу, чтобы у меня была такая любовь, как у моих родителей. Папа не женился, бабушка хотела женить его, ведь он был ещё совсем молод – двадцать шесть лет. Но он отказывался – держал траур по той, которую любил всем сердцем. Папа принимал огромное участие в моём воспитании и взрослении. Каждое утро, после того как он клал маме цветы, он шёл будить меня, и мы вместе готовили завтрак. Позавтракав, он отвозил меня к бабушке – его маме. Она жила в соседнем доме, идти было недалеко, но он всё равно всегда отводил и забирал меня сам. Весь день я находилась у бабушки и дяди, который был родным братом отца, и с двоюродными сестрами и братом: Лилит, Кариной и Тиграном. Целыми днями вместе с ними мы до вечера играли на улице:

в догонялки, прятки, салки и многие другие игры. А потом приходил папа, забирал меня от бабушки, и мы вместе шли домой готовить ужин. Даже сейчас, вспоминая об этом, на лице появляется искренняя и тёплая улыбка. Я очень любила и люблю папу. Мы с ним всегда вместе готовили. Лилит была средней, а мы с Тиграном – самыми младшими детьми. Но брат был старше меня на три месяца.

– Барев, джан¹, – всегда говорил папа, заходя в дом.

– Папа, с кем ты здороваешься всё время? – спросила я его, когда заметила, что он делает так всегда.

– Им луйснес, с твоей мамой, – он улыбнулся мне своей тёплой улыбкой, а я смотрела с непониманием на него. – Она покинула этот мир и ушла к Богу, но она не покинула наш дом. Наш дом – это и её дом, и пока мы будем помнить её и любить, она будет здесь. Пока жив я, жива ты, и жива память о ней. – Я задумчиво посмотрела на папу, после чего произнесла:

– Барев, Майрик².

После того дня я каждый раз, заходя домой, говорила: «Барев, Майрик». Я скучала по маме. Папа часто рассказывал о том, какой красивой она была и хорошей.

– Твоя мама умела абсолютно всё и считала, что раз у человека есть две руки – это означает, что он может всё.

– Пап, а я похожа на Майрик?

– Очень, луйснес, ты полная её копия, поэтому ты им луйснес.

Папа всегда звал меня «им луйснес», что означало «мой свет».

– Почему ты зовешь меня своим светом? Я разве свечусь, чтобы быть светом?

Папа заулыбался. Он всегда улыбался, когда я задавала такие вопросы: несмотря на свой пятилетний возраст, меня глубоко интересовали такие вещи, а не только куклы и игры.

– Нет, сирун. Я зову тебя своим светом не потому что ты светишься, а потому что ты и являешься моим светом в этом мире тьмы. Когда—то твоя мама была моим единственным солнцем и согревала меня своим теплом. Когда её не стало, она оставила мне тебя – своё отражение. Мой лучик света. Ты – это то, благодаря чему я могу видеть в этой тьме. Двигаться и жить.

Тогда я не поняла, о чём говорил папа: о какой тьме шла речь, если на улице ещё светло, а если потемнеет, то включают свет. На праздники мы всегда собирались своей одной «большой» семьёй.

– Ох и разбалуешь ты дочку, а потом жалеть будешь, – говорила папе тётя Аннуш, когда мы собрались у неё дома за большим столом. Папа смотрел на меня, сидящую в белом бальном платье, с хвостиком на голове. Вздурораженно спорящую с Тиграном о том, сможет ли он съесть четыре яблока. Папа никогда ни в чём мне не отказывал, всегда дарил мне подарки.

– Я балую её, потому что единственная радость, которая у

меня есть – это она. Всё, что у нас с ней есть на этом свете – это мы. Единственный, кто будет с ней рядом – это я, так же, как и она будет всегда со мной. Как говорил дедушка Вазген: «Роднее и важнее дочери никого на этом свете у мужчины не будет».

– Вспомни, что ещё он говорил: «Важнее дочери никого не будет, но так, как опозорит дочь, никогда не опозорит сын», – вмешался дядя Гурген. – Позор, который принесёт сын можно смыть, но позор, который принесёт дочь, не смыть даже кровью.

Папа прекрасно знал об этом, но он очень сильно верил мне и доверял, считал, что всё зависит от воспитания и того, как обучат ребенка всем этим темам чести и жизни. Улыбнувшись своей тёплой улыбкой, он сел на корточки и обнял меня, прижимая к своей груди.

– Им луйснес, не пора ли нам домой?

Он всегда целовал меня в щёчку, когда прижимал к своей груди, и укутывал своё лицо в моих волосах, вдыхая их запах. Его теплые руки всегда окутывали моё хрупкое маленькое тельце. Не хватало ли мне мамы? Да, очень. Но у меня был Папа, который всячески пытался дать мне любовь за обоих родителей. Каждый день я рассматривала фотографию мамы. Из рамы на меня смотрела красивая молодая женщина с большими карими глазами и невероятной улыбкой.

– Луйснес, всегда стремись к солнцу, даже если подолгу

будут лить дожди, иди к нему, стремись к нему.

– Папа, солнце – это ведь Майрик?

– Да, мой свет, она была моим солнцем на Земле и согрела меня теплом. Сейчас она ушла на небо к Богу и оттуда она смотрит на нас.

– А почему мы не можем увидеть её, а она нас может?

– Ты тоже можешь её видеть, луйснес.

– Правда? – обрадовалась. – Как?

– Взгляни на небо, сирун, там твоя мама среди белоснежных облаков, а ночью она приходит к тебе в виде самой яркой звезды.

Тогда я внимательно слушала папу, а после побежала со всех ног к окну и взглянула в небо. Оно было чёрным и ни одной светлой звездочки. Тогда я расстроилась и загрустила. Он подошёл ко мне и обнял.

– Им луйснес, порой мы не видим звёзд, как и не видим света, но он есть всегда. Просто порой нужно немного подождать, чтобы увидеть.

Так каждую ночь, прежде чем лечь спать, я подходила к окну, ожидая увидеть самую яркую звезду, которой должна была быть моя Майрик.

– Папа! Папа! Майрик здесь! – Моей радости не было предела. Я наконец—то увидела самую яркую звезду, свою Майрик – на небе.

– Да, им луйснес, – папа подошёл ко мне и улыбнулся, глядя на моё счастливое, сияющее детское личико. – А теперь

иди умываться и спать.

– Хорошо, папочка, – я пошла умываться. Почистив свои маленькие зубки – два из которых у меня выпали – я пошла в свою комнату. Зайдя, я заметила, как папа целует фотографию мамы и ставит обратно на тумбочку у моей кровати.

– Им луйснес, ты умылась?

– Да.

– Ну хорошо, одевай пижаму и ложись.

Я молча сделала, что просил папа. Он помог мне надеть любимую желтую ночнушку с рисунком жирафа.

– А теперь спокойной ночи, – улыбнувшись, сказал папа.

– Нет, – возразила я, хватая его за руку и таща на себя.

Папа искренне улыбнулся.

– Ну ладно, какую сказку хочешь? – спросил он, присаживаясь на краюшек кровати.

– Про «Счастье глупца»!

– Но я же рассказывал её в прошлый раз.

– Ну расскажи ещё раз! – умоляла я, смотря на него своими карими глазками.

– Ну хорошо, – согласился он. И начал рассказ:

«Жил когда—то бедняк. Как ни трудился он, как ни бился – всё никак не мог выбиться из нужды. И вот дошёл он до отчаяния и решил: "Пойду—ка я разыскивать Бога. Разущу и узнаю, долго ли мне маяться. Да тут же и выпрошу чего—нибудь для себя." По дороге повстречался он с волком.

"Добрый путь, братец—человек! Куда ты идёшь?" – спро-

сил волк.

"Иду к Богу, – ответил бедняк. – Горе своё хочу ему поведать."

"Как доберёшься до Бога, скажи ему: есть, мол, на свете один голодный волк, день—деньской рыщет он по горам и долинам, а пропитания найти не может. Спроси: долго ли тому волку голодать? И ещё скажи: если ты сотворил его, так и кормить должен."

"Ладно", – молвил бедняк и продолжил путь.

Много ли, мало ли он прошёл – встретил красавицу—девушку.

"Куда идёшь, братец?" – спросила девушка.

"К Богу иду."

"Как увидишь Бога, – взмолилась красавица, – скажи ему: есть одна девушка – молодая, здоровая, богатая, а ни радости, ни счастья не знает. Как ей быть?"

"Скажу", – пообещал бедняк и пошёл своей дорогой.

Встретилось ему дерево. Хоть оно и стояло у самой реки, но совсем засохло.

"Куда ты идёшь, эй, путник?" – спросило дерево.

"К Богу иду."

"Тогда погоди, передай Богу и мои слова. Скажи ему: слыхано ли такое дело: расту я у самой речки, а круглый год стою сухим! Когда же я зазеленею?"

Выслушал бедняк жалобу дерева и продолжил свой путь.

Шёл он, шёл, пока не дошёл до Бога. Видит – восседает

Бог в образе седовласого старца под высокой горой, прислонясь к утёсу.

"Добрый день!" – молвил бедняк, став перед Богом.

"Добро пожаловать, – ответил Бог. – Чего тебе надобно?"

"Хочется мне, чтобы ты ко всем людям относился одинаково – не давал бы одному всё, другому – ничего. Вот я – сколько ни бьюсь, сколько ни тружусь, а всё из нищеты не выбьюсь, многие же вдвое меньше меня работают, а живут в достатке и покое."

"Ладно, ступай, скоро разбогатеешь. Я пошлю тебе счастье. Живи и наслаждайся."

"У меня к тебе ещё дело, Господи", – сказал бедняк и поведал Богу о жалобах голодного волка, красивой девушки и засохшего дерева. Бог дал ответы на все вопросы. Бедняк поблагодарил его и ушёл.

На обратном пути подошёл он к засохшему дереву.

"Что сказал про меня Бог?" – спрашивает засохшее дерево.

"Сказал, что под тобою зарыто золото. Покуда его не откопают и не дадут твоим корням простор, тебе не зазеленеть."

"Так куда же ты уходишь? Выкопай золото, оно нам обоим пойдёт впрок: ты разбогатеешь, а я зазеленею."

"Нет, некогда мне, я тороплюсь. Бог даровал мне счастье, я должен поскорее найти его и наслаждаться", – ответил бедняк и ушёл.

Идёт он, а красавица—девушка дорогу ему преградила:

"Какую весточку для меня несёшь?"

"Бог сказал: Ты должна найти себе хорошего мужа. Тогда тоска отступится от тебя, и заживёшь ты в радости и счастье."

"Ну, если так, то будь ты моим дорогим мужем."

"Вот ещё! Некогда мне. Бог обещал мне счастье, надо найти его поскорее и наслаждаться", – сказал бедняк и зашагал дальше.

На дороге поджидал его голодный волк.

Только завидел он бедняка – кинулся к нему:

"Ну, что сказал тебе Бог?"

"Братец ты мой, после тебя встретил я ещё красавицу— девушку и засохшее дерево. Девушка хотела знать, отчего её жизнь так безрадостна, а дерево – почему оно весной и летом не может зазеленеть. Рассказал я Богу, а Он и говорит: "Девушка пусть найдёт себе друга".

"А про меня что сказал Бог?" – спросил голодный волк.

"А про тебя он сказал, что ты будешь рыскать голодным до тех пор, пока не найдёшь глупца. Как сожрёшь его, так и насытишься".

"Глупее тебя мне никого не сыскать", – промолвил волк и съел глупца».

– Конец, – сказала я, хлопая в ладошки.

– А теперь закрывай глазки и спи. – Папа поцеловал меня в лоб.

Я перевернулась на правый бок, он встал с края и попра-

вил моё одеяло.

– Спокойной ночи, мой свет, – сказал он, закрывая дверь. Так проходила каждая ночь. Я смотрела на небо, наблюдая за Майриком, а после умывалась, ложилась в кроватку, слушая папины сказки, и засыпала.

Моё детство было беззаботным, весёлым, мне ни в чём не отказывали и баловали, как могли. У меня было всё, что я только могла попросить, вообразить и захотеть. В шесть лет дядя с тётёй повезли меня со своими детьми в зоопарк. Тогда я впервые увидела настоящую мартышку. Помню, как она украла любимую кепку Тиграна, и он начал плакать. Ему было шесть лет, как и мне, а Лилит – восемь, Карине – десять. Я тогда очень смеялась над мартышкой. Кепку вернули, а Тигран после этого возненавидел всех обезьян и начал их очень сильно бояться.

– Кому сахарную вату? – спросила тётя, которая была женой моего родного дяди.

– Мне! Мне! – прыгая на месте, закричали мы все, кроме Карины.

Карина была старше всех, поэтому всегда старалась показаться уже взрослой. Из нас троих она была самой красивой. Наверное, потому что она была самой старшей, как думалось мне тогда. У неё были отличительные голубые глаза, которые достались ей от нашей бабушки. Длинные волосы, чёрные, как смоль. Тигран всегда дразнил старшую сестру, а когда она хотела поругать его за это, дядя всегда заступался за сы-

на.

– Карина, ты старшая, но он твой брат, и ты обязана слушаться его, – говорил всегда дядя. Он был человеком высоким, но хиленьким. Без волос на голове.

Карине ничего не оставалось, кроме как молчать и виновато опускать голову. Она была очень несогласна с этим и часто ругалась, когда думала, что её никто не слышит, или когда была с нами.

– Почему я должна слушаться Тиграна? – возмущалась она. – Он же младше всех! Я старшая, а значит, он должен слушаться меня, а не я его!

– Карина, ты старше, но он мужчина, – сказала мама девочки.

– А девочка должна слушаться всегда мужчину? – спросила я, но мой вопрос восприняли, как слово.

– Правильно, Нарминэ, – сказала тётя. – Вот видишь, Карина, даже Нарминэ знает об этом.

Карина посмотрела на меня со всей ненавистью, на какую только была способна. Тогда я не обратила никакого внимания на это, хоть и не понимала, с чего это.

– А вот ваша вата, – сказал дядя, отдавая нам сладость.

Все, довольные, взяли сахарное лакомство. Карина взяла вату и с осуждением смотрела на меня. Я пыталась не обращать внимания, но чувствовала её сжигающий взгляд. Мне становилось не по себе, но я старалась не думать об этом. После этого дня Карина всячески пыталась мне насадить. Но

то, что влетало ей, а не мне, её злило ещё больше.

– Мама, это все Нарминэ, это она рассыпала соль, – возмущалась девочка.

– Майрик, она врёт! – заступилась за меня Лилит. – Я видела, как она специально соль рассыпала, а теперь всё сваливает на Нарминэ, которой в это время даже в квартире не было.

– Карина, – строго взглянув на дочь, произнес отец семейства, который вернулся с работы вместе с Тиграном. – Ты что, начала врать?

– Папа... – девочка опустила голову, – я...

– Смотри мне в глаза! – крикнул дядя.

Карина стояла с опущенной головой.

– Смотри мне в глаза! – повторил дядя. Девочка продолжала стоять с опущенной головой. Дядя не выдержал и подошёл к ней.

– Я сказал: смотри мне в глаза!!! – он закричал во всё горло. Я вздрогнула и прижалась к рядом стоящему Тиграну: заметив мой страх, он обнял меня. Взгляд дяди испепелял старшую дочь: вены на его шее опухли, а сам он стал краснее помидора из-за злости. Карина подняла свой взор из—под длинных ресниц и взглянула на отца своими голубыми глазами. Взглянув прямо в них, он дал ей звонкую пощёчину.

– А! – закричала я, прикрывая рукой рот. Тигран прижал меня к своей груди и прятал мой взгляд от всего происходящего в своих объятиях. Я заметила, как Карина начала пла-

кать, её мама хотела подойти к ней.

– Лилит, идите с Нарминэ и Тиграном в комнату... – она хотела сказать что-то ещё, но дядя её перебил:

– Нет! – крикнул он, взглянув в глаза своей жены. – Пусть остаются и видят, что будет с ними за ложь. – С этими словами он отстегнул ремень на своих брюках и ударил Карину по коленкам. Моя двоюродная сестра упала, но это не помешало дяде продолжать бить её ремнем.

– Нет, стой! – закричала тётя, прикрывая свои телом Карину. – Не надо! – умоляла она дядю, но он грубо отшвырнул её.

– Уйди! – процедил мужчина сквозь зубы, схватив её за волосы и оттолкнув в сторону. Дядя продолжал наносить удар за ударом. Карина плакала, но не произносила ни звука: зажмурила глаза и закусилла нижнюю губу. Дядя бил её, Лилит стояла в стороне и наблюдала, смотря с ужасом на разъярённого отца. Я рыдала, обнимая Тиграна, который гладил меня по голове, желая успокоить. Тётя вновь попыталась заступиться за дочь, но получила пощёчину. Она была настолько сильной, что женщина отлетела в сторону.

– Мама! – закричала Лилит, и мы подбежали к тёте.

– Отошли от неё, ни то и вам сейчас дам, – сказал мужчина, смотря на нас злобным взглядом и продолжая избивать ремнём Карину.

– Дядя, хватит, – просила я со слезами на глазах. – Пожалуйста, хватит...

Я начала рыдать, всхлипывая. Дядя посмотрел на меня разъярёнными глазами, словно я враг народа. А после, продолжил избивать Карину. Тётя пришла в себя и вновь попыталась заступиться за девочку.

– Прошу тебя, прекрати. Она же твоя дочь, пожалей её, – умоляла она, смотря в его глаза со слезами.

Я рыдала, из-за нервов у меня началась судорога. Обнимающий всё это время меня Тигран пытался успокоить, а я, начала обнимать Лилит и села с ней на пол.

– Барев, – в коридоре послышался звук открывающейся двери. – Я пришёл! Нарминэ, собирайся.

Я сидела на полу и не могла двинуться с места. Дядя не услышал слов своего брата и продолжал избивать старшую дочь.

– Что здесь происходит? – спросил папа, зайдя на кухню.

Он взглянул на младшего брата, который держал в руках ремень, замахнувшись, чтобы нанести очередной удар. Но услышав голос брата, держащая орудие рука, застыла в воздухе вместе.

– Им луйснес, Лилит, что с вами? – спросил папа, смотря на нас с Лилит, прижатых друг к другу. И Тиграна, стоящего сзади и пытающегося нас успокоить, пока мы захлебываемся в собственных слезах.

– Дети, – папа достал из кармана брюк ключи от дома. – Вот ключи, идите домой.

Тигран забрал ключи у моего папы и, помогая нам с Ли-

лит встать, подошёл к Карине. Она была избита до такой степени, что не могла подняться самостоятельно. Мы помогли ему поднять сестру и еле—еле, понемножку пошли домой. Я не знаю, что было потом в квартире дяди. Скорее всего, папа проводил ему целую лекцию и ругал за такой поступок.

– Осторожнее, – просила Лилит, когда мы пытались донести Карину.

– Дети, что случилось? – спросила нас наша соседка Айлин. Она была ереванской азербайджанкой, поэтому мало кто позволял детям общаться с ней. По нашему району о ней ходило множество «хороших» слухов. Никто её не любил, кроме мужчин, которые постоянно отшивались возле неё.

– Ничего, – сказал Тигран, и мы продолжили везти Карину. Айлин смотрела на нас с сочувствием.

– Сейчас, ес ко цават танем³, – произнесла Лилит, пытаюсь открыть дверь в квартиру.

– Давай я открою. – Длинные шоколадные женские руки, потянулись к ключу.

Я взглянула, чтобы узнать, кто это, – Айлин. Она помогла нам открыть дверь, и мы провели Карину в гостиную, где и уложили на диван. Боль девочки не знала предела, она вся горела.

– Нужно приложить лёд, – сказала девушка, присаживаясь на корточки рядом с нашей сестрой. И мы с Тиграном побежали принести его.

– Будет немного больно, но полегчает. – С этими словами,

она начала прикладывать лёд к телу Карины.

Девочка начала кричать и рыпаться от боли. Её крики были слышны на соседних улицах, настолько было ей плохо. Она не могла пошевелиться, всё тело ломило и горело.

– Девочки, что происходит? – спросила вошедшая в гостиную тётя. Мы все взглянули на неё, а после – на Карину, которая завывала от очередной нахлынувшей на неё боли. Тётя подбежала к дочери и велела Айлин уйти в грубой форме.

– Уходи, и чтобы я больше не видела тебя рядом со своими детьми, – сквозь зубы процедила тётя. Айлин взглянула на Карину, затем на тётю. А после встретилась со мной взглядом, пока я рассматривала её шоколадные кудрявые волосы, пухлые губы и тёмно—серые глаза.

– Я лишь хотела помочь, – произнесла она, смотря в глаза тётю. Айлин встала и направилась к выходу, я смотрела ей вслед. Она ушла и даже не обернулась.

Мы с Лилит продолжали плакать. Я немного успокоилась, мои судороги прекратились. Тётя сделала нам перекусить, сама она ничего не ела и не пила. С поникшим взглядом смотрела в одну точку и думала о чём—то. Боли Карины немного уменьшились, и она заснула. Я вспоминала с ужасом, что было сегодня, и понимала, что навсегда запомню этот день, как самый ужасный в моём светлом детстве.

– Останетесь сегодня у меня, – сказал папа, зайдя в наш дом.

– Нет, – сказала тётя, – мы пойдём домой.

– Сегодня лучше туда не идти, нужно, чтобы он побыл один и подумал над своим поступком. Это же не первый раз, когда он поднимает руку на тебя?

Тётя замолчала. Разговор взрослых проходил на кухне, но, сидя в гостиной, мы прекрасно всё слышали.

«Видимо, они забыли закрыть дверь», – подумала я.

– Он впервые поднял руку на детей... – наконец произнесла тётя и замолчала. Мы с Тиграном и Лилит слушали разговор взрослых, затаив дыхание.

– На детей впервые, а на тебя – нет, и это будет продолжаться так... – он замолчал. – А долго это длится?

– Неважно, мы и так доставили тебе хлопот, – хмыкнула, – прости, что это всё видела Нармин. Я хотела, чтобы дети вышли, но он потребовал, чтобы они остались и видели всё.

– Ничего, если что, ты только скажи.

– Хорошо.

– Я сейчас принесу новое полотенце, можешь пойти искупаться. А я пока детей накормлю.

– Нет—нет. Мы пойдем к моей тёте, она живет здесь неподалёку.

– Это которая живет в двух километрах отсюда? Я вас отвезу.

– Нет, не нужно. Я возьму такси. Лучше останься с Нарминэ: сегодня был тяжёлый день для всех нас.

– Хорошо. Да, ты права, день и вправду был тяжёлый.

– Дети, пойдёмте, – произнесла тётя, заходя в гостиную,

где мы сидели возле спящей Карины. Тигран с Лилит встали и помогли матери поднять сестру.

– Давай мне, я её отнесу, – сказал папа, взяв Карину на руки.

– Спасибо, – тихо произнесла тётя.

– Им луйснес, я сейчас прийду, только провожу тётю до машины и вернусь.

– Хорошо, пап.

Они вышли, закрыв за собой дверь. Это был первый раз за все годы, что я оставалась одна в квартире. Папа пришёл быстро, как и говорил: проводил до машины и сразу вернулся.

– Им луйснес, как ты? Дочка.

– Хорошо, пап, а ты?

– Я тоже, потому что рядом ты, ангел мой.

Я обняла его и шёпотом сказала ему: «Я люблю тебя, пап».

Мне показалось, что он не услышал, потому что я сказала очень тихо, но любящее сердце услышит всегда.

– И я тебя люблю, мой луйснес.

Я редко говорила папе о своих чувствах, не знаю почему.

Но после этого дня я каждый день признавалась ему в любви и говорила, как сильно он мне важен.

– Пап, а ты же никогда меня не оставишь? – спросила я во время подготовки ужина.

– Ду им луйснес⁴, как я могу тебя оставить? Ты же мой свет среди всей этой тьмы.

После увиденного в тот день мне было очень важно знать, что папа всегда будет со мной.

– Ты из-за сегодняшнего задаёшь такие вопросы? – догадался папа.

– Мх, – я кивнула головой.

– Дочка моя, просто у дяди не выдался день. Он очень переживает о сделанном, он признал, что был не прав. Не бери в голову.

– Пап, а разве это нормально, чтобы мужчина бил свою дочь до такой степени и жену?

– Конечно, нет. Таких нельзя и мужчинами назвать, – сказал папа, подняв меня на руки и отводя к окну.

– Значит, дядя – не мужчина? – спросила я, отпрянув от плеча отца и взглянув в его глаза.

– Он мужчина, он ударил один раз, всякое бывает в жизни, моя луйснес. Он просто не выдержал, у него проблемы на работе, и тут ещё это. А врать же не хорошо, ты же знаешь.

– Да папа, знаю, – согласилась я, глядя в небо, которое покрывали яркие звёзды.

– Смотри, твоя Майрик сегодня здесь, – сказал папа, протягивая руку вперёд. – Видишь?

– Да! – воскликнула я радостным голосом и улыбнулась, оголив свои зубки.

– Им луйснес, даже если твоя Майрик не появится на небе самой яркой звездой, то знай, что она всё равно всегда на небе и в твоём сердце.

– Как это?

– Что, как?

– Как она в моём сердце? – удивившись, спросила я.

– А вот так, ес ко цават танем³, она в твоём сердце, пока ты любишь её и помнишь.

– Папа, я всю жизнь буду любить и помнить Майрик, так же, как и тебя. – Я обняла папу, чтобы не показывать ему своих слёз, которые появились моментально с мыслью о том, что я могу когда—нибудь потерять отца.

– И я тебя люблю всем своим сердцем, луйснес. – Услышав мои всхлипывания носом, папа спросил: – Ты что, плачешь?

– Нет, – пыталась солгать я.

– Им луйснес, ну—ка, покажись, – я прижалась к плечу отца что есть силы, чтобы он не увидел моих слёз. – Ты же знаешь, что меня не обманешь. Почему ты плачешь?

– Пап, я боюсь потерять тебя.

– Ты меня и не потеряешь никогда. – Папа погладил меня по моим длинным чёрным волосам.

– А если ты уйдешь, как Майрик? – вытирая слёзы, спросила я. Папа поменялся в лице, ведь я заговорила о маме.

– Свет мой, моя дорогая Нарминэ, если я уйду, как мама – я всё равно никогда не оставлю тебя. Я буду жить в тебе, как она, и смотреть на тебя сверху. Буду видеть, как ты, что ты, поэтому всегда старайся сделать так, чтобы мы с мамой гордились тобой. Пока я не уйду, как мама. Дай Бог, я про-

живу ещё достаточно лет и успею увидеть, как ты закончишь школу, как ты поступишь, выучишься, влюбишься, выйдешь замуж. И если Он позволит, то и понянчусь со внуками. А сейчас я здесь, я с тобой, а мама там. И ты всё равно старайся, чтобы она всегда улыбалась и гордилась тобой, находясь там, а я гордился тобой, находясь здесь. Ты моя радость, ты моя гордость и честь, дочка. Без тебя – я не смогу. Я скорее умру, чем буду жить без тебя.

– Не умирай, пап, я буду стараться и сделаю так, чтобы вы с Майрик мной гордились.

«Я буду стараться сделать всё, что в моих силах и не в силах, чтобы папа гордился мной!» – твёрдо для себя решила я и поставила себе цель, достичь которую собиралась в любом случае.

– А теперь пойдём спать, – сказал папа, отходя от окна.

– Пойдём, – довольная, согласилась я.

¹Барев, джан (с армянского) – Здравствуй, жизнь моя

²Барев, Майрик – Здравствуй, мама

³Ես Կո լայն տանեմ – Моя дорогая

⁴Դու Իմ Լայնես – Ты мой свет

2. Первое знакомство с религией

В восемь лет дядя подарил мне Библию на армянском.

– Вот, Нарминэ, ты уже взрослая и должна знать свою религию, самое время, – говорил дядя, показывая подарок. Библия была большой и очень тяжёлой. Помню, как хотела

её поднять и полетела на пол вместе с ней. Разбитый нос — ещё один подарок на день рождения. Я ходила уже в третий класс и вполне могла самостоятельно читать, но в священном писании были неясные мне вещи, за пояснением которых я всегда обращалась к отцу, и он объяснял мне.

— Папа, а почему если все люди равны, то Господь посылает всем разные судьбы?

— Каждый должен пройти свой путь, им луйснес, каждый из нас разный, все мы индивидуальны, поэтому.

— А почему ученые говорят, что мы произошли от обезьян?

— Они просто не верят в Бога.

— Почему Бог не остановит все эти войны? Почему Он позволяет умирать людям? Почему позволяет убивать друг друга? Почему Он такой несправедливый?

— Нарминэ! — закричал дядя. — Он справедлив, читай Библию и всё поймешь.

— На пути человека к счастью встречаются несколько преград, но почему? — всё не унималась я.

— Читай Библию и все поймёшь, — спокойным и мягким тоном повторил папа, в то время как дядя был безумно зол тем, что я задаю лишние вопросы. Я читала и понимала абсолютно всё, что там было написано. Библию хранила дома на тумбочке и читала её каждый вечер после того, как делала уроки. Карина продолжала ненавидеть меня и пыталась всячески доказать, что она лучше меня, что я плохая, а она

хорошая. Я не понимала, почему у моей двоюродной сестры такая ненависть ко мне и как такое возможно. Она ещё больше возненавидела меня с того дня, когда её избили за клевету: она считала, что в этом моя вина.

– Если бы тебя не было, всё было бы по—другому! – громко ответила она, когда я спросила, почему она считала, что виновата я.

Я молилась каждый вечер и каждое утро. Первые лучи солнца пробивались сквозь задернутые шторы, – и я вставала, чтобы умыться, надеть косынку и помолиться. На Пасху мы красили яйца и готовили куличики, а также собирались за одним большим столом всей семьёй. Айлин я видела довольно часто после того случая с избиением Карины. Каждую неделю она меняла цвет своих волос. Всё, что мне было известно, так это то, что она была ереванской азербайджанкой из Карабаха.

– К ней ходит много мужчин, а ты знаешь, что не прилично, когда к девушке, которая живёт одна, шастают молодые люди, – рассуждала Лилит, когда я поинтересовалась у её, что она знает об Айлин.

– С виду нормальная девочка...

– Так! Нечего вам обсуждать какую—то там азербайджанку с не лучшей репутацией, и чтобы я больше не слышал, что вы говорите или думаете о ней! – закричал Тигран. Хоть он был младше нас всех, но всегда хотел показаться старше и мудрее.

– Хорошо, – тихо ответили мы, потупив свой взгляд на обувь.

Весь оставшийся путь до школы мы прошли молча. Каждый день мы шли в школу вместе: я, Лилит и Тигран. Карина всегда либо опаздывала, либо уходила раньше всех, поэтому её никогда не было с нами. По дороге мы обсуждали то, что происходило у нас дома: гостей, праздники, кто что приготовил и кто когда выйдет на улицу, у кого сколько уроков. А ещё обсуждали свои знания нашей религии.

– Мы с папой вчера читали Библию, она мне так понравилась! – пропела Лилит.

– А я, наоборот, нашла множество противоречий в ней, и чем больше читаю, тем больше нахожу, – с грустью в голосе произнесла я.

– Каких же? – с удивлением и не пониманием спросил Тигран.

– Например, мы Апостолы, и наш народ является самым древним, тогда почему мы не записаны в Библии? Почему там ни одного сказания о нашем народе или же стране? – Мои двоюродные родственники потупили взгляды в раздумьях, а я продолжала: – Почему сказано, что Иисус и израильтяне завоевывали Иерусалим¹, а в другой Библии об этом не сказано? Или кто был отцом Иосифа, мужа Марии: Иаков или Илия²?

– Подумаешь, какие—то опечатки... – неуверенно произнёс Тигран.

– Как в связанных писаниях могут быть такие опечатки и противоречия?!

– Откуда ты взяла всё это? – не понимая, спросила Лилит. – Мы же со взрослыми читаем, и они нам объясняют всё это.

– Я с папиного разрешения начала читать сама и купила ещё другую Библию из интереса. Думала, что там продолжение будет, а там одни противоречия. Когда спросила у папы, то он сказал, что просто разный перевод.

– Ну, вот видишь, переводы разные – все же по—своему переводят.

– Но это же не какая-то книжка, а священная книга, которую нужно переводить в точности и без ошибок.

– А её переводят? – не понимая, о чём речь, спросила Лилит.

– Библия написана на древнееврейском (библейском иврите) и древнегреческом языке, —пояснил средней сестре Тигран. – На этом всё, закрыли тему и больше о таком не говорим, лишь о том, что узнали из Библии.

В школе я всегда училась на отлично и очень любила уроки, поэтому для меня они проходили, к сожалению, очень быстро. Друзей в классе у меня было много – нас было двадцать четыре человека, и все мы дружили между собой, а также меня любили старшеклассники и старшеклассницы, – с ними я поддерживала общение, несмотря на свой юный возраст. Тогда я была в третьем классе, а в пятом я всё же

задала папе интересующий меня вопрос:

– Пап, – стоило мне его позвать, как он посмотрел на меня своими добрыми карими глазами. – А почему в одной Библии сказано, что Иисус происходил от сына Давида – Соломона, а в другой, что от Нафана?

– От сына Давида Соломона происходил Иисус. Им луйснес, есть люди, которые не верят в Бога нашего и всячески пытаются осквернить Его знамя.

– Что значит «осквернить»?

– Ну, хотят сделать так, чтобы в него перестали верить. Но мы же знаем, что Он есть.

– Но как? Мы же не видим Его.

– Его не нужно видеть – Его нужно почувствовать и знать, что Он всегда рядом с тобой, где бы ты ни находилась. – Папа сел на корточки и обнял меня.

– Просто нужно чувствовать Его мощь и силу? – Он кивнул и произнёс: «Мх», зарывая свою голову в мои волосы.

– Да, им луйснес, нужно чувствовать Его, и тогда всё будет хорошо, – прижимаясь к моей щеке, сказал папа. Каждую ночь после маленького ритуала в ванной комнате и наблюдением за любимой Майрик на небе, я начинала свою молитву:

«Ов мец Аствац,

Вор твел эс мез бари хайр ев сирох майр,

тур мез шнорк, аненк ахотк, линенк анһог,

апренк хелок, паркешт у һез ев сиренк Кэз. Амэн»³. – И

только после этого шла спать.

¹ Завоевали ли Иисус и израильтяне Иерусалим?

Да (Иисус Навин 10:23—40)

Нет (Иисус Навин 15:63)

² Иаков (Матфея 1:16)

Илия (Луки 3:23)

³ О великий Господь,

даровавший нам доброго отца и любящую мать.

Даруй нам благодать творить молитву, не быть бездушными,

ми,

жить послушными и покорными и любить Тебя. Аминь.

3. Ненависть

Время шло, и мы выросли, становились всё красивее, умнее и старше. Мне было четырнадцать, когда Айлин впервые заговорила со мной после того случая с избиением Карины. Все старались избегать женщину, никто её не любил, а возле неё постоянно крутились какие—нибудь мужчины. Пухлые губы были единственным, как и стройное тело, что не менялось в ней. Два года назад, возвращаясь со школы, я увидела рядом со своим дядей девушку с синими волосами. Она заходила в дом, а он следовал за ней в своих чёрных солнцезащитных очках и шлёпнул её по мягкому месту. Мне тогда стало очень мерзко и противно. В тот день я возненавидела дядю.

– Им луйснес, почему ты плачешь? – Я вздрогнула при виде отца. Он должен был быть на работе, но почему—то

вернулся сегодня пораньше. Папа сел рядом со мной на корточки. – что-то случилось?

Я помотала головой.

– Тебя кто—то обидел?

– Нет, – пыталась солгать я, но лгать не хорошо, и я очень боялась Бога и не хотела брать на себя такой страшный грех.

«Если он спросит ещё раз, то я скажу!» – решила я для себя.

– А что тогда?

– Пап, почему мужчины изменяют своим женам? – подняв свой взгляд, я посмотрела в глаза отца. Он не ожидал такого вопроса и был немного удивлён.

– Им луйснес, почему ты спрашиваешь? Что произошло?

– Пап, сначала скажи... – я замолчала и опустила глаза. Мне было стыдно говорить с отцом на такие темы. – Как? Скажи, как, может человек, у которого двое детей, изменять своей жене?

Папа молчал, думая о чем-то.

– Ты что-то знаешь про дядю? – спросил он, посмотрев на меня пронизывающим взглядом. Мне было страшно, но я молчала и смотрела в пол. – Нарминэ, не молчи, скажи уже, наконец, в чём дело! – закричал отец.

– Ни в чём... – с трудом произнесла я, проглотив ком в горле и сдерживая слезы, которыми наполнились глаза.

– Им луйснес, не ври, не бери грех на свою душу. Ты же знаешь, что ложь относится к десяти смертным грехам, и те-

бе потом отвечать перед Богом во благо другого согрешившего.

Я тяжело сглотнула и сказала, что пока не готова и не хочу говорить на эту тему.

– Ну, хорошо, – с каким—то упрёком в голосе произнёс он. – Когда захочешь – скажешь, а сейчас успокойся, – чуть более спокойным тоном сказал он. Я молча кивнула, и отец вышел из моей комнаты. Спустя два года, в четырнадцать лет, она заговорила со мной.

– Тебя Нарминэ ведь зовут?

Я молчала и проходила мимо, не обращая внимания на её вопрос. Но она явно не желала прекращать разговор. Я была удивлена тому, как часто и быстро она меняла свой цвет глаз и волос. И при этом её волосы словно и не портились от такого количества краски, которую она наносила.

– Да, я знаю, Нарминэ тебя зовут, я просто хотела уточнить. Можно я буду звать тебя Нармин? – Я молчала. – Ну вот, Нармин, ты очень хорошая девочка. Не хочешь дружить со мной?

Я остановилась и посмотрела на неё: её волосы были окрашены в белый цвет, пирсинг в носу; была она одета в короткие чёрные шорты с таким же топом.

– С какой стати? – наконец произнесла я.

– Ты – очень хорошая, я – очень классная, и мы могли бы быть неплохими подружками.

– Спасибо, но мне моих друзей хватает, – после этих слов

я ушла и весь вечер корила себя за столь грубый тон.

У Айлин была нехорошая репутация, её знали все: женщины ненавидели, а мужчины упрекали, но при этом ходили к ней. Каждый второй, который плохо отзывался о ней – посещал её. Цвет волос девушки менялся с каждым вторым восходом солнца: если сегодня она была белоснежной, то послезавтра она будет зелёной или рыжей. Она всячески пыталась подружиться со мной, а я старалась её избегать. Айлин стала довольно часто фигурировать в моей жизни, что мне совершенно не нравилось. И, конечно, это не могли не заметить другие.

– Ты что, дружишь с этой шавкой Айлин? – спросил Тигран, когда мы шли все вместе домой, после школы.

– Я... – не успела я и продолжить, как меня перебила Лилит:

– Она достает её, хочет дружить с Нарминэ.

– Может, нашла родственную душу? – с ухмылкой произнесла Карина.

Я посмотрела на неё с непониманием, Лилит с призрением, а Тигран вовсе стукнул её в бок.

– Хватит говорить ерунду, – после удара брата произнесла Лилит.

– А что? Сами подумайте: с чего бы вдруг она стала вклиниваться в подружки к Нармин?

– Карина... – сквозь зубы произнёс Тигран и взглянул на сестру своими очами чёрного цвета, но она не успокаива-

лась.

– Они же явно похожи!

– Карина, прекрати! – вмешалась Лилит.

Старшая сестра замолчала. Через некоторое время после этого случая я шла в школу с опозданием и встретила Карину.

– Барев, Карина! – поздоровалась я.

– Барев, что, тоже опаздываешь? – с улыбкой до ушей спросила она.

– Как видишь, – пожала плечами.

– Пойдём вместе, заодно и посплетничаем.

– О чем? – удивлённо спросила я.

– Почему ты избегаешь Айлин? – поинтересовалась Карина.

– А что, мне нужно с ней дружить?

– Она вообще—то классная девочка, – произнесла сестра.

– Что? – остановившись, я посмотрела на неё, раскрыв рот от удивления.

– Что ты так удивляешься? – как ни в чём не бывало спросила Карина.

– А что, я должна радоваться?

– Нармин, не будь такой стереотипной! Айлин нормальная девочка.

– Девочка? – Я была удивлена: мне всегда казалось, что она старше. – Скорее уж женщина...

– Ей только двадцать четыре, – спокойным тоном произ-

несла она.

– Что?! Двадцать четыре?! – удивленно воскликнула я.

– Да.

Я была шокирована тем, как спокойно говорила Карина на всю эту тему и как она отзывалась об Айлин. В то время как у самой Айлин была не лучшая репутация, не знаю почему.

– И что? Ты дружишь с ней? – постаралась спросить как можно спокойнее.

– Да, а почему бы и нет? – Я промолчала, но она продолжила: – Тебе тоже стоило бы подружиться с Айлин, она хоть и азербайджанка, но очень классная.

– И ты дружишь с азербайджанкой?! – продолжала удивляться я.

– Да, – так же ровно ответила мне Карина, пока я была в бешенстве. Шок и злость охватили меня полностью, несмотря на то что я старалась игнорировать эти чувства и не поддаваться им. Глубокий вдох и выдох, посчитала про себя до десяти и попыталась успокоиться.

– Сегодня после школы, в два часа, пойдём к Айлин, она пригласила.

Я промолчала и проигнорировала сказанное ею, но избежать этого мне не удалось.

– Рада вас видеть, – произнесла Айлин теперь уже с фиолетовыми волосами и белыми локонами.

– Привет, джан. – Карина поцеловала её в щеку и прошла внутрь как ни в чём не бывало.

«Видимо, она здесь частый гость... – думала я. – Боже, Карина, до чего ты дошла...»

– Проходи, не стой на пороге, – строго приказала Карина.

Я прошла внутрь и увидела очень милый коридор, после мы зашли в дорожную комнату – гостиную. Карина уселась на белом диване, перед которым стоял какой-то прозрачный стеклянный стол, который я видела впервые. Обставлена квартира была так богато и красиво, была большой редкостью и роскошью в Армении в начале 2006 года.

– Садись. – Карина постучала по свободному месту на диване, указывая мне, чтобы я присела рядом с ней.

– Чувствуй себя, как дома, – произнесла Айлин.

«Это будет довольно тяжело...» – мысленно ответила девушке с фиолетовыми волосами. Я молча села возле сестры, скромно съёжившись и затем выпрямившись, подняв голову вверх, но опустив глаза и рассматривая подол своей чёрной юбки. Я взглянула краем глаза на Карину и заметила, что моя двоюродная сестра одета в рваные светло—синие джинсы с белым ремнём и черной майкой на бретельках, которая полностью облегла её тело. Айлин положила на стол жёлтый поднос с голубыми чашками и какой-то выпечкой – круассанами. Карина сразу же потянулась за стаканчиком и принялась опустошать его содержимое.

– Угощайся, – сказала мне Айлин, присаживаясь на керамический стул.

Я посмотрела на девушку, она улыбалась мне, оголив свои

прекрасные белоснежные зубы. Опустила взгляд и взглянула в содержимое чашки: кофе, но коричневый. Я взяла маленькую чашку в руки и с интересом и недоверием взглянула в него, но смотря, как Карина пьёт с удовольствием, решила попробовать. Глоток. Вздрагиваю: горячо. Обжигаю верхнюю губу. Прикусываю её. Дую на содержимое и делаю маленький глоток. Горячий напиток проходит по моему телу, сладкий вкус кофе с молоком радует мои рецепторы, и я наслаждаюсь напитком.

– Вкусно? – впервые поднимаю взгляд на девушку и киваю в ответ. – Это кофе со сливками. Попробуй круассан, он с шоколадом внутри.

Беру «круассан» и пробую.

«М-м-м-м, как вкусно... – смотрю на содержимое внутри, – а она не обманула – там действительно шоколад».

– Я привезла его из Франции, там пьют кофе и едят круассаны сидя за белоснежными столиками на таких же белых стульях.

– Ты была в Париже? – удивлённо спросила я.

Мне были известны названия столиц всех стран и самых красивых городов мира, я знала их историю, экономику и мечтала побывать в Париже – городе любви.

– Да, – кратко, улыбаясь, ответила Айлин.

Её лицо заблестело от радости того, что ей удалось впечатлить меня.

– Она каждую неделю бывает в разных странах, – сказала

Карина.

– Не каждую неделю, а месяц, – поправила Карину Айлин. – Я побывала уже в сорока странах, – обратилась она ко мне. – Я путешествую с девятнадцати лет, но лишь с двадцати двух начала ездить по разным странам.

– Просто она с девятнадцати до двадцати одного бывала лишь во Франции – ей нравилось там больше всего – и в Италии.

– Как здорово, – я не смогла скрыть своего восхищения.

После этого случая Карина пыталась всячески привести меня к Айлин, но я придумывала отмазки и отговорки.

– Карин, почему ты дружишь с Айлин? – спросила я напрямую, когда мы были одни.

– Почему ты спрашиваешь? Ты же тоже подружилась с ней, – не обращая внимания на мой вопрос, Карина спокойно ответила мне.

– Я не считаю Айлин своей подругой, знакомой, лучшей подругой, хорошей знакомой или ещё кем-то.

– Тогда почему ты приходила к ней в гости вместе со мной?

– Я была у неё один раз и то уже жалею об этом.

– Скажи, – Карина взглянула мне в глаза, – тебе не нравится общаться с ней? По—моему, она очень сладкая.

– Ты о чём?! – Я взглянула на двоюродную сестру с удивлением, совершенно не понимая, что она хочет этим сказать. В глазах Карины блеснул блеклый огонёк, полуулыбка или

ухмылка появилась на её лице.

– У неё такая фигурка, а волосы... – Карина мечтательно закатила глаза вверх. – С ней так интересно, она такая умная, красивая, очаровательная, оптимистичная и абсолютно всезнающая о мужчинах.

Сглотнув именно во время последних слов Карины, я подавилась слюной. Мои отношения с Кариной улучшились, как мне казалось, поэтому я пропустила мимо ушей её последние слова. И, встав, направилась на кухню за чаем и сладостями, но в голове крутилось лишь сказанное ею.

«У неё такая фигурка, а волосы... С ней так интересно, она такая умная, красивая, очаровательная, оптимистичная и абсолютно всезнающая о мужчинах».

– Я не вижу ничего плохого, чтобы посещать её, – продолжила брюнетка, когда увидела меня, вошедшую с подносом. – Мы не занимаемся ничем плохим. Лишь идём в гости, а она угощает нас кофе и круассанами и прочими вкусностями, которые привезла из разных стран, и беседуем.

– Карин, я не пойду никогда к ней и тебе не советую, – положила на стол чашки с чаем и сладостями.

– Спасибо, – поблагодарив, она взяла стакан. – Но ты сходи, в этом нет ничего такого!

– Не ты ли пару дней назад с издёвкой говорила, что мы с Айлин родственные души? С чего вдруг такой интерес у неё к моей персоне и у тебя к тому, чтобы мы с ней дружили? – я немного прищурила глаза. После моих слов Карина

почему-то поперхнулась чаем и начала кашлять. Тогда ещё я не придала этому никакого значения, ведь я не знала, что меня ждало после.

– Ну, как знаешь, – она положила чашку на стол и молча ушла. Прошло два дня после нашего разговора. Когда я возвращалась домой, думая о предстоящей поездке в горы с классом, кто-то во всём чёрном, в очках и закрытым лицом, что-то прыснул на меня. Я не успела среагировать и понять, в чём дело: всё происходило, словно в замедленной съёмке. Миг, и я была на земле, а какой-то парень лежал на мне, ругаясь непристойными словами. Единственное, что я чувствовала в тот момент – это стыд и боль в ноге. Парень сразу встал, но проходившие мимо двое человек всё равно всё увидели, и этого было достаточно для распространения слухов.

– Как вы? – спросил подошедший дядя. – Что произошло? – Он потянул мне руку, но я не смогла встать: левая нога ужасно заныла, хотелось просто кричать от боли.

– Дядя, её хотели опрыснуть кислотой, – произнёс юноша. Тогда я ещё не знала, что этот темноволосый парень с голубыми, как водопад, глазами являлся моим четвероюродным братом. А если быть точнее, то он – сын маминого троюродного брата, который двоюродный брат её мамы, которая является его родной бабушкой. Но об этом, как о и цвете его глаз и волос, я узнала позже – сейчас меня срочно везли в травмпункт. Из-за боли в ноге, я не могла ступить и шагу

сама, поэтому дядя поднял меня на руки и усадил в машину.

– Севак, а с чего ты решил, что её хотели облить кислотой? – спросил дядя, стоя в коридоре с папой и Артуром. Тигран с Лилит находились рядом, сидели у моей двери, но даже так было прекрасно слышно весь разговор старших.

– Дядя, я слышал, как две девушки переговаривались между собой о какой-то девушке по имени Нармина. Я вначале решил, что эта девушка азербайджанка, и не придавал значения, прошёл дальше, но услышал что-то вроде: «Обо-льём кислотой и возвращаемся сейчас». После было: «Вот, смотри, это она!» – и я обернулся из интереса, а там наша Нарминэ идёт, опустив голову вниз, и не видит ничего. Ну, я спрятался за гаражом дяди Вазгена и стал ждать, что дальше будет. Одна из этих девушек подошла к Нарминэ и достала из кармана что-то похожее на кислоту, а я подбежал и повалил её в сторону. Капля попала мне на плечо и обожгла немного спортивку. Но главное, что с Нарминэ всё в порядке.

– Вот так история... – вздохнув, произнёс дядя.

– Слава Богу, что с ней ничего не произошло! Спасибо тебе, Артур, что уберёг её!

– Да не за что, на моём месте так поступил бы каждый уважающий себя армянин. Не пристойно, чтобы наших девушек кто—то уродовал.

Но об этом разговоре мне не было известно – Лилит рассказала мне обо всём позже. А пока, я сидела и наблюдала,

как ловко и аккуратно врач забинтовывал мне подвёрнутую ногу.

– Им луйснес, как ты себя чувствуешь? – спросил папа, заходя в кабинет.

– Хорошо, – восторженно воскликнула я.

– Сейчас домой поедем.

– Мх, – я кивнула головой в знак согласия.

– Ногу держи всё время прямо и не напрягай! – сказал врач, когда мы выходили из кабинета.

– Хорошо, – довольная, произнесла я и вышла.

– Луйснес, а это Севак, твой четвероюродный брат, – представил его папа.

– Очень приятно, – произнесли мы с ним одновременно, на что папа с дядей засмеялись, а я засмущалась.

– Спасибо, что спасли меня, – поблагодарила его я.

– Да не за что!

После долгих уговоров Севак всё—таки согласился погостить у нас и даже пожить два дня. Я была рада этому, ведь теперь у меня было с кем поговорить, пока Лилит с Тиграном находились в школе или на занятиях. Я понимала, что Севак не станет целыми днями напролёт сидеть дома, и у него свои дела, друзья, но хотя бы спасти меня на часик от скуки он мог. Придя домой, мы с папой поздоровались, как обычно:

– Барев, джан.

– Барев, Майрик, – произнесли мы с папой одновременно.

– Барев, – глядя по сторонам и не понимая, поздоровался

Севак. Снять обувь папа помог мне и хотел проводить в мою комнату, но я отказалась.

– У нас дома гость – что, я буду сидеть у себя в комнате? – возмущалась я.

– Он далеко не гость в нашем доме. Ты разве не помнишь Севака? Хотя, ты тогда ещё совсем маленькой была, когда он уже в четвёртый класс ходил.

– Ладно, пусть не гость, но всё же не прилично – надо же приготовить что–нибудь...

– Нарминэ, ничего не нужно, – перебил меня Севак. – Правда, иди, отдохни и полежи. Мы с дядей, – он хитро взглянул на папу, – сами управимся.

Я смотрела на Севака, пытаюсь понять взгляд, с которым он смотрел на моего отца. В голове я уже успела понапридумывать множество ужасных вещей, которые он мог бы сделать с папой. Но, откинув дурные мысли прочь, решила согласиться. Папа помог устроиться поудобнее, включил мне телевизор и вышел, закрыв за собой дверь. Я лежала, смотря индийский сериал. Спустя пять минут за дверью послышались шаги и грохоты падающих кастрюль на кухне. Я засмеялась, представляя, как кастрюля падает с верхней полки шкафа прямо на голову Севака. Мой смех прервал стук в дверь.

– Заходите, – произнесла я, пытаюсь преодолеть новую волну нахлынувшего смеха.

– Нармин, там... – Не успел Севак договорить, как цепкая

девичья рука схватила его за плечо и потянула от двери.

– Я сама, – сказала Лилит и, хлопнув дверью перед лицом четвероюродного брата, прыгнула ко мне на кровать.

– Я так перепугалась за тебя! – В словах кареглазой я почувствовала искренность и обняла её.

– Ничего же не случилось, – обнимая сестру, сказала я. Лилит отпрянула от меня.

– Ничего не случилось? – не понимая, спросила она и взглянула в мои глаза.

– Ну, ладно, подумаешь, ногу подвернула, с кем ни бывает, – пожалала плечами.

– Нармин, Севак сказал, что тебя хотели опрыснуть кислотой.

– Что-о-о-о?! – протянув это слово, закричала я.

– Да, – кивнула головой, – я слышала, как мой папа спрашивал у него о случившемся, и он сказал, что, проходя мимо, услышал о разговоре двух девушек. – В этот момент она рассказала мне всё, что услышала, а я пыталась переварить полученную информацию. Между нами наступило молчание, и каждая из нас думала о своём. Лишь звуки телевизора нарушали эту тишину. Мой телефон уведомил о полученном новом сообщении, и мы обе вздрогнули от неожиданности.

– Ты всё ещё не поменяла звук для сообщений? – Лилит взяла мою сумку со стула перед туалетным столиком и хотела отнести мне.

– Достань телефон и положи опять на стул, – попросила я.

– О'кей, – сказала она и, открыв сумку, взяла мой телефон.

– Я тебя всё равно ненавижу и уничтожу, – тихо произнесла Лилит, с шоком смотря в мой телефон.

– Что? – не расслышав, спросила я, но она продолжала стоять как вкопанная и перечитывать сообщение. – Лилит, что там? – Я потянула голову вверх, как страус, желая рассмотреть, но сделать это было невозможно, ведь она стояла на расстоянии вытянутой руки.

– Н-ничего... – замешкаясь, произнесла она. – Нарминэ, можно я возьму твой телефон? Я хотела музыку на свой переписать, но дома забыла. Сегодня вечером верну.

– Хорошо, если хочешь, можешь вернуть завтра – мне он сегодня вряд ли придется.

– Хорошо. Поправляйся, вечером зайду. – Лилит убежала из комнаты, захлопнув дверь.

– А что, Лилит уже ушла? – спросил папа, зайдя через двадцать минут после ухода шоколадки.

– Да, – сказала я, переключая каналы, и взглянула на отца. – Она минут двадцать назад ушла, сказала, что зайдёт вечером.

– А я думал, что она пообедает с нами, – папа закусил нижнюю губу. – Хм, ну, ладно.

– Я принёс тебе обед, – Севак зашёл ко мне в комнату с подносом, полным еды, и стаканом свежавыжатого яблочного сока.

– Спасибо, – поблагодарила я, устраиваясь поудобнее.

Тем временем, пока я уплетала вкусный суп и ни о чём не подозревала, Лилит с бешеной скоростью вбежала в дом.

– Каринэ! – закричала она, снимая обувь. – Каринэ!!!

Но ответом была тишина.

«Обувь её тут, значит, она дома...», – подумала Лилит, смотря на ботинки в коридоре.

– Да, вот и я тебе говорю! – Послышались звуки из комнаты Карины. – Она не та, за кого себя выдаёт, строит из себя такую правильную и скромную, а сама...

– что-то я не думаю, чтобы она была иной, – слышался в ответ женский голос с каким—то странным акцентом. – На вид нормальная и обычная девочка.

– Да я говорю тебе: эту Нарминэ ещё как надо проучить за всё хорошее.

– Каринэ, хватит! – слышался грохот. – Она твоя двоюродная сестра. Откуда такая ненависть?

– Она всегда мне завидовала и всех направляет против меня, ходит такая хорошенькая, а на самом деле змея подколотная.

– Откуда у тебя такие мысли? – с нескрываемым удивлением в голосе спросила девушка.

– Просто я умная, а не такая тупая, как эта Нарминэ.

– Карина, побойся Бога. Нельзя ненавидеть кого—то, это большой грех.

– Ой, Айлин, и давно ты стала такой богобоязненной? – с сарказмом произнесла Карина.

«Айлин! – с ужасом пронеслось в голове Лилит. – Как Карина посмела впустить в наш дом эту?..»

– Делай, как знаешь, но я тебя предупредила. И я не собираюсь участвовать в твоих коварных планах. – Послышалось цоканье каблучков, и Лилит сразу отбежала в сторону своей комнаты. Тихонечко закрыв дверь, девочка прислонила ухо к двери, чтобы послушать, и достала телефон.

– Подумай хорошенько, мы могли бы быть хорошей командой против неё.

– Я тебе уже всё сказала. Она хорошая девушка, и я даже завидую ей. Жаль, что у меня в своё время не было такого отца, который был бы за меня горой и учил жизни. – Входная дверь открылась, и Лилит немного приоткрыла дверь из своей комнаты, желая заснять разговаривающих. – И ещё, не приходи больше ко мне и забудь, что мы дружили.

– Но почему?

– Если ты способна продать свою родную—двоюродную сестру, то мне страшно подумать, что ты можешь сделать со своими друзьями и подругами. Держись от меня подальше.

Наступила тишина, и лишь по звуку повернувшегося ключа можно было понять, что Айлин ушла. Лилит выключила видеозапись, приставила телефон к подбородку, начала стучать последним по гаджету, раздумывая о дальнейших её действиях.

4. Затишье перед бурей

Что такое жизнь? Она коротка и скоротечна, прекрасна

и страшна. Предать тебя может каждый: вот вы общаетесь, дружите с человеком, а потом выясняется, что он лгал тебе. Как легко люди способны предать того, кому мило улыбались в лицо. Но самое страшное, когда предаёт тебя твой родной человек...

– Каринэ! – закричала Лилит, когда увидела свою старшую сестру, сидящую со мной у меня в комнате. От неожиданности я вздрогнула, а Карина осталась сидеть, как ни в чём не бывало. – Ты почему здесь? – спросила сестру Лилит.

– Если ты не знаешь, то Нарминэ подвернула ногу, и вот я пришла её навестить и принесла кусочек гранатового пирога, который мама испекла.

– Очень вкусный, – сказала я, смотря на озлобленное выражение лица Лилит, направленное в сторону Карины.

– Каринэ, а тебе не пора идти уже? Не засиделась ли ты? – с грубой ноткой в голосе поинтересовалась Лилит.

Тогда я ещё ничего не знала и сидела, не понимая, как Лиля может так обращаться к своей родной старшей сестре. Поэтому, округлив глаза, я наблюдала то за Лилит, которая готова была взорваться от злобы, то за Кариной, которая сидела со спокойным лицом.

– Лилит, не забывай, что я тебя старше, сестрёнка. Родители учили нас уважению.

– А что они про уважение к младшим говорили? Особенно про двоюродных кровных сестер. – После этих слов кучерявой пришло время Карины удивляться. – Не делай вид,

будто не понимаешь, о чём я. Я все знаю, и молись, чтобы я не рассказала об этом родителям.

– Ах ты мразь! – закричала Карина и, взбесившись, подбежала к своей младшей сестре, вцепившись в её волосы.

– Девочки, хватит, что вы делаете? – пыталась успокоить их я, но они не слушали меня и лишь продолжали биться.

– Ты, маленькая тварь, – говорила Карина своей сестре. А я сидела, округлив глаза от новых, неизвестных мне слов.

– Девочки, хватит! – закричала я, но это было бесполезно.

– Папа! – начала я звать на помощь, – папа! Севак! Севак! – Но дома никого не было, а я продолжала кричать, периодически обращаясь к девочкам. – Севак! Папа! Папа! Девочки, перестаньте!

Дверь в комнату распахнулась, и в неё ворвался Севак: увидев дерущихся, он начал разнимать их.

– Что тут происходит?! – спросил следом вошедший отец.

– Держи язык за зубами, малявка, если не хочешь остаться без него. А ты, – Карина посмотрела на меня, и я заметила, что Лилит поставила ей огромный фингал под правым глазом. – Ты ещё за все заплатишь – это еще не конец, а только начало. – Бросив холодный, презрительный и ненавистный взгляд, Карина покинула нашу квартиру.

– Что случилось? – спросил Севак, смотря то на меня, то на Лилит.

Нижняя губа девушки была разбита, и из неё текла кровь. Увидев это, отец увел её на кухню обрабатывать рану, оста-

вив нас с Севаком одних.

– Я не знаю, что произошло, – после минутного пожара меня взглядом Севаком произнесла я. Парень был моим четвероюродным братом, и в начале я даже была рада, что такой красивый молодой человек, является моим родственником. Но внешность обманчива, не нужно судить человека только по его виду – внутренне он должен быть красив, а не внешне. Общаться и дружить вам с душой человека, а не его физической оболочкой. Как раз—таки душа Севака мне не нравилась, особенно его взгляд, с каким он смотрел на меня.

– Что они, так просто на ровном месте подрались?

– Карина зашла проведать меня и принесла мне очень вкусный гранатовый пирог – там ещё осталось, кстати. Затем мы сидели и разговаривали о чём—то неважном, зашла Литлит... – Я кратко пересказала брату, что произошло, опустив в конце взгляд. – Ну и вот...

– Странно... – задумчиво произнёс Севак, поглаживая свой подбородок. – О чём говорила Карина? За что ты заплатишь? Что ты такого сделала?

– Я не знаю, – пожала плечами. – Мне ещё с детства кажется, – чуть тише сказала я, – но я отгоняю эти мысли, ведь такого не может быть...

– Что тебе кажется? – перебив меня, спросил Севак.

– Что она ненавидит меня... но за что? Я ей ничего плохого не сделала. Я стараюсь отогнать эту догадку прочь.

– Почему?

– Потому что Господь создал нас для того, чтобы мы любили друг друга и почитали старших, уважали их, а не ненавидели. А также она – моя двоюродная сестра, как она может меня ненавидеть? – Я подняла свой взгляд и сделала заключение. – Это же бред, – снова пожала плечами.

– Бред, не бред – увидим, – Севак задумчиво смотрел на меня, а после покинул комнату. Тогда мне ещё не было известно, что в жизни возможно и такое. И вправду говорят, что даже самые близкие могут предать. Но об этом позже. Сейчас я просто обедала и смотрела телевизор.

Спустя неделю мне всё—таки разрешили вставать, но ненадолго, и передвигаться нужно было с палкой, чтобы не нагружать ногу. Я была счастлива, что наконец—то могла ходить, посещать школу – до третьего или четвёртого урока. В школе меня все знали, точно так же, как и в классе, поэтому моему приходу были рады все.

– О-о-о-о! – закричали мальчишки в классе и захлопали при виде меня. Все одноклассники были рады тому, что я вернулась, так же, как и я была рада им всем. Карина смотрела на меня каким—то странным взглядом, а Лилит наблюдала за старшей сестрой с презрением.

– У вас что-то произошло? – спросила я за обедом, заметив, с какой ненавистью Лилит устремила свой взгляд на столик, за которым сидела Карина.

– Нет, – не поворачиваясь, ответила она. – Просто тебе

лучше держаться от неё подальше.

– В смысле? – недоумеваю, спросила я. – Ты о чём? Или о ком?

– Не важно, – отряхнув голову, словно прогоняя мысли в сторону, сказала она. – Просто будь осторожна, – маленькая ручка, как у пятилетнего ребёнка, легла на мою кисть.

– Хорошо, – согласилась я, а сердце почему—то подсказало продолжить: – И ты себя береги!

Я улыбнулась задумчивой Лилит и ещё не понимала, с чего вдруг произнесла последнюю фразу. Но я даже не думала об этом. На её взгляд в сторону старшей сестры решила, что они что-то не поделили и скоро помирятся. Хотя, у нас никогда не было секретов, и мы всегда друг другу говорили правду, вернее, я так думала... Тем временем, пока мы с Лилит поедали наш обед, Карина разрабатывала план мести и продумывала его до мельчайших деталей. На сердце появилась тяжесть, словно на него повесили камень, но я не обращала на это внимания. Уроки закончились быстро. Собрав свой портфель, я направилась домой, весело обсуждая с Лилит тему нашего дня рождения, который должен был быть через два дня.

– Надо же было нам так родиться, в один день и месяц, но в разные годы, – смеясь и улыбаясь, произносит сестра.

– И не говори, – соглашаюсь с ней.

Двое молодых парней в чёрных очках стояли, облокотившись о наш дом, и смотрели на нас. Заметив их, мы с Лилит

перестали говорить и продолжили идти молча, смотря под ноги.

– Пока, Нармин, – попрощалась Лилит и зашла к себе в подъезд.

– Пока, – в ответ я.

Ладони вспотели, сердцебиение участилось. Становилось трудно дышать, и я начинала сильно нервничать без причины. Внезапно почувствовала на себе прожигающий насквозь взгляд и услышала чьи—то шаги сзади себя. Не оборачивалась. Пыталась как ни в чём не бывало продолжить путь. Они шли за мной. Быстро забежала в подъезд, открыла дверь и зашла в квартиру, заперевшись на все семь замков. Сердце бешено стучало в груди, я скатилась по двери вниз.

– Ты уже пришла? – спросил Севак, стоя в проходе. – что-то случилось?

– Нет... – я перевела дыхание и начала дышать носом. – Всё хорошо.

– Я вижу. Ты марафон бежала? – Ничего не ответила, поднялась с пола и, сняв обувь, зашла к себе в комнату.

Тем временем Лили, вернувшись домой, застала стоящую на кухне Карину, которая прикусывала нижнюю губу и выглядывала из окна. Лилит тихонечко подошла к сестре и стала наблюдать через её плечо за происходившим на улице. Там она увидела, как те двое парней шли за мной. Я успела забежать в подъезд, а молодые люди повернулись и посмотрели в сторону Карины.

– Чёрт! – выругалась Карина, и развернувшись, схватилась за сердце от испуга. – Ой... Ты... ты давно здесь? – подбирает слова девушка.

– Достаточно, чтобы понять, что происходит, – смотря с укоризненным взглядом на сестру, произнесла Лилит. Карина поменялась в лице: её смуглое личико заметно побледнело, а светло—карие глаза забегали по кухонной мебели.

«Неужели она все знает? – с испугом подумала брюнетка. – Нужно не показывать страх, притворюсь, что не понимаю, о чём она, и выясню, что она знает».

Но Лилит не стала продолжать разговор, лишь отвернулась и вышла из кухни. Мысли о том, что кто—то знает о её планах, не давали Карине покоя. Она желала как можно скорее избавиться от своей двоюродной сестры – Нарминэ.

«Божий одуванчик, который таковым не является. Почему же тебя все так любят?!»

Через два дня должен был состояться день рождения Лилит и Нарминэ. Вспомнив об этом, Карина подумала, что это будет отличным поводом для хорошего плана.

«Этот день будет её последним», – подумала девушка, злорадно улыбнувшись. Тем временем, пока Карина продумывала план, я ходила по дому в поиске своей заколки—бантика.

– Севак, ты не видел мою заколку? – зайдя в гостиную, спросила у четвероюродного брата. – Она такая маленькая с изображением бантика.

Взглянув на Севака, я увидела, как он стоял на стуле и смотрел на меня испуганными глазами.

– Всё в порядке? – недоумевая, интересуюсь я.

– Да, да, всё хорошо... – сказал он, пока его глаза бегали по комнате в поисках чего-то. – Заколку? Нет, не видел. Посмотри в ванной, может, там забыла.

– Ладно, – я отправилась в уборную. Внезапно дверь закрылась и послышался щелчок. Не понимая, в чём дело, я взялась за ручку и потянула её, но дверь оказалась заперта.

– Севак! Севак! – начала звать его я, хлопая ладонями по двери. – Севак! Тут дверь захлопнулась, открой мне!

– Прости, Нармин, но это ради твоего блага, – произнёс Севак за дверью. – Прости... – еле слышно прошептал он, но я услышала. Я продолжала стучать, просить открыть дверь, но никто не отвечал. Дальше я услышала шаги, звук ключей и захлопнувшейся двери.

– Просто прекрасно, – слёзы жгли глаза, а кровь прильнула к щекам, отчего те стали красными. Я не понимала, чем было вызвано такое поведение Севака и за что он извинялся: за то, что запер меня, или за что-то другое?

«Пора включать мозг и думать о том, что творится в моей жизни. Ничего не происходит по плану, не происходит так, как ты хочешь, и тем более так, как написано в Библии», – подсказал разум умную вещь.

Облокотившись о дверь, я скатилась по ней вниз и начала думать. Думать и думать. Я начала прокручивать в голове все

свои мысли, которые скопились у меня за мои пятнадцать лет, и все события. Перед глазами самой первой картиной встал тот день в зоопарке, когда мы были ещё совсем маленькими, и Каринэ впервые посмотрела на меня с невероятной ненавистью, на какую только была способна в столь юном возрасте. Сейчас она уже взрослая, ей уже девятнадцать, но её ненависть не исчезла.

«из-за Карины сегодня были те парни, что шли за мной, и это она облила меня кислотой. Лилит всё это знает, поэтому и смотрит на неё с такой ненавистью», – пронеслась мысль в голове, но я выкинула её прочь, решив, что это полнейший бред и такого не может быть. Но то, что Лилит что-то знала, было очевидно, это читалось в её взгляде. Но что именно она знала, мне было неизвестно. От моих раздумий меня оторвал дверной замок. Я начала прислушиваться, звонок продолжался, тут я вспомнила о телефоне. Проверив карманы, выяснила, что забыла его в комнате. После нескольких попыток звонок прекратился. Наступила недолгая тишина, и дверь распахнулась с огромным треском.

– Ой! – закричал нежный женский голос, обладательницу которого я сразу узнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.